

Она не подозревала, что когда водосточные трубы засорены, то от дождя на плоских крышах образуются целые озера, и жила спокойно до тех пор, пока в стене своего дома случайно не обнаружила трещины.

ГЮСТАВ ФЛОБЕР. *Госпожа Бовари* *

* Перевод Н. Любимова.

Пролог

Раннее утро, среда, 9 июля 1969 года

Завтра, а может, послезавтра, все узнают о том, что я сделала. Узнают, кто я.

Первыми за мою историю возьмутся итальянские желтые газеты *Gente* и *L'Espresso*, потом обо мне напишут в Лондоне — в *Mirror* и *Sun*. По подводным кабелям она пересечет Атлантический океан (воображение рисует уродливую донную рыбину, в ужасе разевающую косозубый рот, когда мимо проносится свидетельство моей греховности), и, когда выползет из моря в Нью-Йоркской бухте или Чесапикском заливе, эта сплетня перерастет в нечто гораздо более опасное — станет настоящей новостью.

New York Times, *Washington Post*... Этим дело не кончится, моя история отправится дальше на запад страны, выйдет в *Dallas Morning News* и *LA Times*. На званных ужинах, в барах после работы, на деловых встречах от Нью-Йорка до Голливуда — мое имя будет у всех на устах, пережевано и проглочено вместе с колотым льдом и коктейльными вишенками в «Джулепах» и «Манхэттенах».

И когда эта история зазвучит голосом такого авторитета, как Уолтер Кронкайт из вечерних новостей, до меня точно кто-нибудь доберется.

Все это, разве что более сумбурно и бессвязно, я рассказываю мужчинам, сидящим напротив на моем чудовищном терракотовом бархатном диване.

Вообще, диван не мой — будь на то моя воля, я бы попросила обшить его тканью букле приятного нейтрального оттенка. Или одним из тех блестящих мятно-зеленых венецианских дамастов, что я видела в отеле «Чиприани». Мы с Дэвидом как-то останавливались там на одну ночь, под конец нашего медового месяца. Потягивали «Беллини», глядя на Венецианскую лагуну, и плавали в прекрасном бассейне с морской водой под открытым небом; с территории отеля даже видна площадь Святого Марка. Жаль только, что летом весь город пахнет болотом. Все равно что жить у реки Буффало-Байу в Хьюстоне.

Но диван не мой, впрочем, как и все остальное в этой квартире, — когда я въехала, вся мебель уже была. Наверное, в этом тоже кроется одна из причин случившегося: в Риме я так и не смогла почувствовать себя дома.

— Послушайте, — произносит мужчина пониже ростом, прерывая мой бессвязный поток слов. Я вдруг осознаю, что все это время рассуждала вслух. — Миссис Шепард, прошу вас, постарайтесь не волноваться. У нас просто дружеская беседа, поэтому рассказанное вами не покинет пределы этой комнаты. Мы лишь пытаемся понять, что вчера произошло.

— Стандартная процедура проверки... — начинает второй, высокий мужчина, но коллега быстро прерывает его взглядом, в котором читается предостережение.

— Отнеситесь к этому разговору как к интервью, — говорит низкий. — Для какого-нибудь журнала. Скажем, «День из жизни леди» или «Дома у женщины».

— Правильно будет «День из жизни женщины», — отвечаю я, — и «Дома у леди». — И оба гостя на какое-то время замолкают.

Различать их непросто: оба одеты, как Дэвид, в белые рубашки с черными галстуками, однако их костюмы, сшитые по итальянским лекалам, гораздо уже по крою, чем свободные американские костюмы Дэвида, которые он носит и здесь; как и Дэвид, оба щеголяют очками в темной оправе, водруженными на их непримечательные носы. И у них одинаково стриженные каштановые волосы.

— Простая формальность, — нарушает тишину высокий мужчина. — Бюрократия. Нам бы восстановить цепочку событий, только и всего. Так что, миссис Шепард, прошу вас. Расслабьтесь. Выпейте немного. У нас просто дружеская беседа.

Я вдруг понимаю, что, если бы до их прихода не успела снять вечернее платье, они бы увидели пятна крови. Тогда беседа уж наверняка потеряла бы дружеский тон.

Я не сразу осознала, что случилось: соцветия лиловых пятен на синем шифоновом платье, прекрасные потемневшие золотистые бусины вокруг рукавов и воротника. В моем представлении кровь должна быть красной, но она, подобно краске, смешалась с цветами моей одежды. Лишь заметив у себя на ладонях яркие, неопровержимо алые мазки, я все поняла.

Оказавшись дома, я сняла платье, скомкала его, как использованный бумажный платок, и оставила лежать на полу в спальне, потом переоделась в синие джинсы («брюки рабочего», как презрительно назвала бы их моя мать) и неглаженую белую рубашку Дэвида (неглаженую, конечно, потому, что ее не погладила я).

А ведь у нас с этими мужчинами почти одинаковые рубашки, вдруг понимаю я.

Стоит им отправиться в спальню и немного осмотреться, поднять с пола грязные полотенца и вещи, как они быстро отыщут кровавое платье.

Я никогда не умела замечать следы. Когда что-то идет не так, все написано у меня на лице.

В конце концов все вскроется, потому что сейчас все возьмется выяснять правду. Дэвид и его люди, Госдепартамент США, моя семья и даже эти треклятые русские. Подтянутся журналисты. Уже вижу, как некий неугомонный молодой репортер летит сперва в Даллас, потом в Вашингтон, вынюхивает. Заглядывает под каждый камень и находит всех моих гадких червячков.

Произнеси я это вслух, мужчины в костюмах сказали бы, что во мне говорит мнительность. Что я сама говорю как помешанная — как те чудики, заявляющие о заговоре вокруг отчета об убийстве Кеннеди.

Но правда в том, что моя бдительность, напротив, почти всегда дремлет. Есть у меня отвратительная привычка верить людям на слово и полагать, что я единственная волчица в овечьей шкуре. Из-за этого я частенько испытываю страх

и чувство вины. Но теперь-то я сумела залезть под кожу всем овцам в стаде и могу сказать с определенной уверенностью: натура у них преимущественно волчья.

Я беру бокал — бурбон Дэвида, налитый на два пальца, — и делаю глоток, как мне и посоветовали. Своим невозмутимым гостям я тоже предложила выпить — когда они возникли на пороге нашей квартирки и негромко постукали, зная, что я открою, ведь выбора у меня все равно не было, — но они отказались. Наверное, посчитали, что им лучше сохранять ясность ума.

От резкого запаха бурбона у меня слезятся глаза, я тру их и замечаю, что размазала макияж и сорвала накладные ресницы, оставшиеся с вечеринки. Я берусь за легкие, как паутинка, волосы — бренд Andrea, на сто процентов натуральные европейские ресницы, — и начинаю отклеивать.

«Ребенок в душе» — так называется эта модель; на рекламной страничке, которую я видела в журнале «День из жизни женщины», были изображены ресницы самой разной длины и формы, а над ними надпись полужирным черным шрифтом гласила: «Какая ты женщина?».

Я чувствую, как нежная кожа век на мгновение приподнимается над глазными яблоками, когда я тяну за клейкую ленту, и один из мужчин — тот, что повыше, — глядит на меня в полном ужасе. Наверное, я сейчас похожа на зомби из фильма «Ночь живых мертвецов», эдакая охотница за человечиной.

— Лиз Тейлор тоже такие носит, — заявляю я в свою защиту.

Мужчины лишь молча пялятся.

Телефон на стене в маленькой кухне начинает трезвонить как сирена, и ведь стоило ожидать, что кто-нибудь позвонит, но я все равно подпрыгиваю на месте, вздрагиваю и чувствую на себе взгляды мужчин, ловящих каждую мою неосторожную эмоцию, пока после седьмого звонка низкий наконец не снимает трубку.

Мать, наверное, пришла бы в ужас: она всегда считала, что брать нужно после третьего звонка, если вообще собираешься отвечать.

А мужчина меж тем ничего и не отвечает — никакого «квартира Шепардов, Тедди у аппарата», как я обычно щебечу в трубку; ни даже скупого «здравствуйте». Просто молча слушает, что говорят на другом конце провода.

— Кто это? — спрашиваю я.

Телефонный провод раскачивается и упруго подпрыгивает, как выпущенный из плойки локон, а мужчина, прижимая к уху трубку, глядит на меня. Со своего места я слышу лишь приглушенное бормотание, но вижу, как уголки его губ опускаются до прямой линии, а потом ползут вниз. Наконец, поморщившись, он произносит: «Принято» — и с едва слышным щелчком вешает трубку обратно.

— Кто это? — повторяю я. — Все хорошо?

Мужчина на секунду отводит взгляд вправо — по словам Юджина, так делают лгуны, прежде чем соврать, — и отвечает:

— Конечно, миссис Шепард. Все в полном порядке. Как я уже сказал, у нас просто дружеская беседа.

— А теперь, — добавляет высокий, — расскажете нам все с самого начала?

— Я этого не хотела, — говорю я, и он с любопытством наклоняет голову.

— Не хотели чего?

Не хотела почти ничего из этого — ничего из того, что натворила за свою жизнь. Так с чего же начать рассказ?

1. ДАЛЛАС

Январь — май 1969 года

На первое свидание Дэвид пригласил меня в «Стейки и морепродукты Артура». Я часто вспоминаю тот вечер, обдумываю его события снова и снова, как жемчужница обволакивает слоями перламутра попавшую в раковину песчинку. Пытаюсь увидеть тревожные звоночки.

Но это было обычное свидание — по крайней мере, мою жизнь оно не перевернуло. Я даже не влюбилась. Он казался мне неловким и непривлекательным — очки в роговой оправе и оттопыренные уши, выступающие по бокам головы как паруса. Они были мясистыми и как будто поломанными, как у боксеров, только вот Дэвид не боксер. Не хочу сказать, что он не опасен, просто имеет собственные способы борьбы, и руки для них не нужны.

Надо сказать, сейчас я стыжусь впечатления, которое составила о нем при знакомстве. Как безжалостно я судила его по вещам, на которые он не мог повлиять. Позже у меня появится достаточно причин осуждать его, но тогда я этого не знала.

Моя кузина Марша убедила своего мужа, давнего приятеля Дэвида из Висконсинского университета, дать Дэвиду мой номер. По-видимому, он тогда прилетел в Даллас

по государственным делам, проделал долгий путь из американского посольства в Риме, и у него совсем не было знакомых в городе, чтобы выйти куда-нибудь поужинать, — точнее, как я узнала позже, никого, кроме Марши и ее мужа, а поскольку Марше Дэвид показался холодным и отталкивающим, она решила не тратиться ради него на няню. И потому вспомнила обо мне.

Марша вечно пыталась с кем-нибудь меня свести. «Вы отлично друг другу подходите, — сказала она по телефону, предупредив, что он может позвонить в любую минуту. — Вы двое — самые завидные холостяки, которых я знаю».

Я была очень красива — и, чтобы вы знали, я говорю это не из самовлюбленности; люди часто делали мне комплименты. И делают до сих пор, так что, казалось бы, свидания должны были даваться мне легко. Но в Далласе все красиво, а мне было уже тридцать четыре, и все другие мужчины, с которыми знакомила меня Марша, отзывались обо мне как об отчужденной, замкнутой и странной — «твердом орешке», что всегда меня удивляло, ведь я почти всегда чувствовала себя нежной сердцевинкой без скорлупы, легкой добычей для любой пробегающей мимо белки. Марша всегда охотно делилась со мной этими отзывами, словно сообщая, что мы могли бы изменить мое поведение. «Не будь такой напуганной, Тед, — повторяла она. — Расслабься немного».

И в тот вечер я расслабилась. Распустила длинные волосы, небрежно начесала на макушке, как у Джин Шримптон на обложке Vogue. И повторила один из ее образов — платье-футляр из шелковой чесучи с прямоугольным вырезом,

огромные серьги с горным хрусталем и серебряные лодочки. Оставалось шесть месяцев до моего тридцатипятилетия, и до тех пор я была намерена найти себе мужа; все в моем окружении одобряли этот план.

«Некоторые женщины с возрастом становятся лучше, как вино, а некоторые киснут, как молоко», — любил повторять дядя Хэл, когда я наконец взялась искать себе мужчину. Он говорил это каждый раз, как кто-нибудь приглашал меня провести выходные за городом. Но никогда не спешил уточнять, что мне повезло оказаться первым типом женщин, из чего я делала вывод, что, по его мнению, уже начала закисать. «Еще не поздно, — великодушно улыбалась мать. — К тому же ты такая очаровательная девушка».

— Я свожу вас на ужин, — сказал Дэвид по телефону, когда наконец позвонил мне двадцать третьего января, через два дня после переговоров с авиакомпанией «Брэнифф» по поводу ее расширения в Италии. «Свожу вас» — звучало так, будто он заедет за мной и проведет до самого столика. Но потом Дэвид сообщил мне место и время, и я поняла, что он хочет встретиться уже там. Как назло, несколькими днями ранее папа отвез мою машину в сервис, а на такси мне едва удалось бы наскрести денег под конец месяца. Снова просить у родителей было бы некрасиво, а сослаться на свое необеспеченное положение, как какая-нибудь стюардесса или секретарша, и попросить Дэвида за мной заехать тоже бы не получилось, поскольку я работала в Фонде Хантли, а такой деятельностью обычно

занимаются те, у кого уже есть деньги, — хотя на самом деле я ничего не зарабатывала.

Естественно, ничего этого он знать не мог, но это было и неважно, ведь обычно все происходило иначе. Со временем я усвоила, что Дэвид всегда такой — держится излишне самоуверенно, что странно, учитывая, какое первое впечатление он производит, но теряется и тушует, когда дело доходит до деталей.

Печально: хочется, чтобы мужчины, провозглашая себя хозяевами вселенной, вели себя соответствующе, обладали полным контролем над миром, которому приносят столько вреда, но потом они забывают подарить помощнице розы на день рождения или не могут правильно произнести *hors d'œuvres**.

Все, что я знала о Дэвиде, когда мы встретились с ним в ресторане: он госслужащий и ему нравится бурбон, — и оба этих факта я услышала не от него. О государственной службе мне рассказала Марша, а о бурбоне поведал ее муж Рой, выхвативший трубку, чтобы поделиться омерзительной историей о вечеринке студенческого братства в Мэдисоне пять лет тому назад. И все же я потратила на подготовку несколько часов, постаралась навести красоту. Таков был мой расчет: если буду соглашаться на каждое свидание и преподносить себя безупречно, в конце концов один из кавалеров захочет оставить меня при себе.

* Закуски (фр.). — Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.

Только вот с математикой у меня плохо. Иначе бы, наверное, я не оставалась под конец каждого месяца с суммой, которой не хватает даже на поездку на такси.

Помню, как плакала из-за неудавшейся укладки в ванной своей небольшой квартирке, которую папа подарил мне после выпускного, а мама украсила шелковыми шторами от Salamandr  и обставила спальным гарнитуром от Weir. Как думала все отменить, когда расковыряла прыщик на щеке, и он закровоточил, и пришлось прикладывать кусочек салфетки, чтобы остановить кровь, как делают мужчины во время бритья, и не испортить макияж. Образовавшаяся позже корочка пару дней выглядела как родинка, пока не отпала. Даже остался шрамик.

В итоге я добиралась до ресторана на автобусе и опоздала на полчаса. Попыталась кокетливо отшутиться, изобразить независимость и беззаботность, но поняла, что Дэвид раздражен, по тому, каким тоном он сказал: «Ничего страшного» — и как улыбнулся, стиснув зубы, и от этого мне захотелось немедленно уйти. Я уже все разрушила — испортила свидание, на которое, может, даже и не хотела идти, и теперь неважно было, высижу ли я до конца вечера, ведь потом я в одиночестве вернусь в свою квартиру на Тертл-Крик, к изысканным цветистым шторам, с мыслями о том, что скольким бы мужчинам я ни ответила согласием, что даже если бы я отправилась не домой, а во «Французский уголок», «Библиотеку» или другие бары, куда ходила обычно, все мои дни всегда будут заканчиваться вот так, пока наконец близкие не смирятся с тем,

что мне больше нет смысла жить одной, и передо мной снова не распахнутся двери родительского дома. Я вернусь в свою старую детскую в особняке на Беверли-Драйв, где, вероятно, и умру.

— Похоже, девушки из семьи Хантли не могут позволить себе настоящие бриллианты, — заметил Дэвид тем вечером, указав на мои серьги, после того как мы попросили напитки. — Разве что на вас настоящие алмазы размером с голубиное яйцо. Или, может, это ваш фонд приобрел алмаз Хоупа? Вас в последнее время не преследуют несчастья?

Значит, Марша рассказала Дэвиду о моей семье. О семье со стороны матери, если быть точнее: папа сколотил неплохое состояние на скотоводческих фермах в Техасском выступе благодаря тому, что в тех землях нашли месторождения нефти, но мамина семья владела доброй половиной Далласа. Правда, так было раньше, в старые времена, прежде чем они все распродали и занялись инвестициями. Теперь им принадлежала крупнейшая в Техасе коллекция изобразительного искусства — тот самый фонд, который взял меня на «работу», а отец моей кузины Марши, дядя Хэл, был сенатором.

И все знали, что однажды он станет президентом, — как только закончится срок Дика Никсона. Мой дедуля когда-то был губернатором, и после смерти его именем назвали перекресток в Хьюстоне. Деньги семейства Хантли способствовали важнейшим победам партии в городах и штатах по всей стране, не говоря уже о строительстве мужского общежития в Техасском аграрно-техническом университете

и нового стадиона в моей альма-матер — Южном методистском университете.

Шутка Дэвида устарела: тогда алмаз Хоупа уже не был выставлен на продажу, а любой, кто смотрел выпуск «Звездных тезок» с братьями Маркс, знал, что проклятье не более чем слух, но Дэвид никогда не поспевал за подобными вещами. Его интересовали лишь новости политики, его любимой музыкой был джаз двадцатилетней давности, а просмотр телевизора и походы в кино не приносили ему никакого удовольствия.

Тогда, конечно, я ничего этого не знала, но понимала, что он пытался очаровать меня своей дерзостью — и совершенно не преуспел ни в том, ни в другом. Это расположило меня к нему. Со временем, узнав меня ближе, Дэвид все же научился задевать меня за живое.

Я рассмеялась. А потом, отвечая на вопрос, как я провела день, рассказала о Фонде Хантли, и, вместо того чтобы уколоть меня замечанием о том, что я не вылетаю из родительского гнезда, как однажды сказал другой мой кавалер, пилот «Брэниффа», Дэвид ответил: «Значит, вы редкая и прекрасная особа, коллекционирующая редкие и прекрасные вещи». И этого было достаточно.

Достаточно для еще четырех коктейлей, фирменного жаркого из креветок, кальмара и говядины и закуски в виде полдюжины мелких балтиморских устриц на каждого («Устрицы в Техасе, — сказал Дэвид. — Что ж. Поглядим») и для того, чтобы в конце вечера я отправилась к нему в отель «выпить рюмочку на ночь».

А после, утром, когда я в панике проснулась в его номере в «Стэтлер Хилтон», сокрушаясь, что об этом узнает Марша, узнают остальные и все поймут, какая я на самом деле, ему достаточно было обнять меня, нежно погладить по спине под одеялом и сказать: «Прости, мне не стоило приглашать тебя. Понимаю, для тебя это впервые».

Вот так, решив немного расслабиться, я его и обманула.

Я всегда была настороже на свиданиях с друзьями друзей или друзьями семьи, но в общем смысле осторожности мне не доставало. Вопреки убеждению Дэвида, я вовсе не была неопытной. Но позволила себе принять его утешения, поскольку в ужасе представила себе иной исход событий, как все услышат о случившемся и что скажут, а еще потому, что на меня уже начинал давить груз упущенного времени, да и Дэвид мне действительно понравился — как очаровательно краснели его щеки и как он тихонько вздрагивал, когда я проводила кончиками пальцев по его широкой потной спине.

Когда мы поцеловались на прощание — после того как заказали кофе в номер и на удивление комфортно ополоснулись вместе в тесной душевой кабине, — Дэвид сказал, что вечером улетает в Рим, но вернется через две недели и хотел бы свозить меня в Старый город Варшавы.

А до тех пор он звонил мне ежедневно, несмотря на международные тарифы и на то, что нам особо и не о чем было говорить. И все же Дэвид каждый раз звонил в одно и то же время и как минимум пять минут висел на линии, пусть одна-две из них и проходили в долгой тишине. «Когда

звонишь из посольства, плату не берут», — объяснил он, когда я заметила, что подобные разговоры наверняка слишком дорого обходятся. Еще он сказал, что не может обсуждать свою работу по телефону, а я совершенно ничего интересного не могла рассказать о своей жизни, поскольку его ограниченный интерес к коллекциям фламандской скульптуры эпохи Возрождения и живописи французских импрессионистов быстро исчерпался, так что мы довольствовались разговорами о погоде (нормальная) и последних событиях в мире (все плохо: оползни, пожары, казни, русские что-то затевают, Вьетнам).

Так прошли две недели, после чего Дэвид снова приземлился в далласском аэропорту Лав-Филд, откуда на арендованном автомобиле отправился напрямик ко мне в квартиру и сообщил, что, по правде говоря, в этот раз у него никакой работы в Далласе нет и он просто прилетел повидаться. И свозить меня куда-нибудь поужинать, так что, похоже, необходимость добираться на первое свидание своим ходом возникла случайно, а может, судя по регулярным звонкам, он просто решил, что теперь несет за меня ответственность.

Подругам я рассказала о Дэвиде лишь после второго свидания, хотя и это казалось преждевременным — у меня пока не было уверенности в том, что наши отношения перерастут во что-то большее.

— Допустим, а выглядит-то он как? — спросила моя подруга Элинора, когда я заметила, каким надежным и педантичным он оказался. — Что ты *чувствуешь* рядом с ним?

Я ответила, что для мужчины у него на удивление мягкая кожа и что он заморгал как котенок, когда я сняла с него очки, чтобы поцеловать его. Потом попыталась описать его уши, которые теперь воспринимала как особенность, которая мне в нем очень нравится, и Элинор сказала:

— Ты словно найденного кота описываешь.

После третьего свидания и еще двух недель на телефоне Дэвид спросил, смогла бы я жить в Риме. Довольно затратно летать ради каждой встречи на другой континент, объяснил он. Сейчас я понимаю, что до этого он рассматривал свои визиты как инвестицию.

— Ты не можешь просто взять и переехать в Италию, — сказала Элинор.

— И уж тем более без кольца на пальце, — заявила Марша.

Поэтому на четвертом свидании, на котором мы просто прогулялись до «Эль Феникс» за энчиладами и вернулись в отель, чтобы заняться любовью, я сказала Дэвиду все как есть, и спустя пару недель мы поженились в ратуше.

Все случилось так быстро, что на пышную свадьбу или венчание в церкви времени не хватило. Так сказала мама, хотя было ясно, что на самом деле она посчитала меня старой для подобных вещей.

О свадьбах всех моих подруг писали в Dallas Morning News, к сообщениям об их новообретенных фамилиях прилагались фотографии в белом платье. Но когда тебе тридцать четыре, никто за тебя не радуется. Матери было бы стыдно увидеть подобное объявление о моей свадьбе.

Как нелепо бы это выглядело: я в пышном белом платье и фате шагаю к алтарю методистской церкви Хайленд-парка, а гости приносят запакованные подарки — сервизы, чаши для пунша и серебряные самовары — на празднество в загородном клубе.

После тридцати не принято облачаться в традиционный свадебный наряд, говорила мама, а мое белое платье debutantки на меня уже не налезало, поэтому она купила мне костюм от Олега Кассини — свободного покроя, цвета «бледное золото», невыгодно сливающегося с моей кожей, что неудивительно, учитывая ее оттенок, и пару туфель цвета, который продавец в «Нейман Маркус»^{*} назвал лютиковым желтым, а дядя Хэл в подслушанном мной разговоре окрестил цветом кошачьей мочи. Меня развеселило ошарашенное лицо Дэвида, когда он увидел, что случилось с его невестой, вышагивающей по коридору второго этажа ратуши — жалкому подобию церковного прохода к алтарю, — но ему не нравилось, когда я смеялась над шутками, которые придумал не он, поэтому я сдержалась.

Мы с Дэвидом решили, или, скорее, это было решено за нас, что, раз уж мы переезжаем в Рим и начинаем новую жизнь, всем остальным — подарками, послесвадебными банкетами, традицией переносить невесту через порог нового дома — можно пренебречь. Поэтому после ратуши

^{*} Neiman Marcus (англ. «Нейман Маркус») — сеть универмагов товаров класса люкс. — *Прим. ред.*

был скромный праздник в особняке на Беверли-драйв, и его хватило, чтобы официально заявить: мы с Дэвидом отныне «единая плоть» и никто нас «не разлучит».

Честно говоря, я была бы рада подаркам. Мне бы хотелось получить набор бокалов от Vassarat, какой подарили на свадьбу Элинора. Отправиться с мамой за столовым серебром и самой выбрать узор, чтобы потом на каждый праздник докупать ложки, вилки для устриц или нож для торта. Но мы не могли ничего с собой взять, да и складывать все это было некуда.

Ничего страшного, конечно. Мне не нужны были все эти тарелки и украшения. И все же, возможно, купи мы дом и заполни его вещами, все бы выглядело реальнее. Если бы тогда нам достались все прелести свадьбы, а не одно название, быть может, все не закончилось бы так, как закончилось.

Когда я была маленькой, Сестрица — моя тетя, при крещении ей дали имя Сесилия, но все звали ее Сестрица, — любила цитировать Генри Дэвида Торо: «Все хорошее в мире безумно и бесплатно».

Сестрица — младшая сестра мамы, дядюшка Хэл — старший брат, так что Сесилия Хантли, как свойственно всем младшим детям, не имела ни малейшего стремления вписываться в рамки. Она так и не вышла замуж и не устроила свою жизнь; когда в День благодарения или на Пасху кто-нибудь спрашивал, встретила ли она достойного мужчину и не ходила ли в последнее время на свидания, она отвечала:

«Да нет, никого примечательного», а мама качала головой и ворчала, что, мол, сейчас все вообразят себе, что Сесилия встречается со множеством людей.

Она жила то в отелях Биаррица, то на яхтах в Эгейском море, иногда гостила у богатых подруг в квартирах на рю-де-ля-Пэ. Однажды тетя сказала мне: «Холодильниками и хорошим фарфором они пытаются тебя привязать, навесить столовое серебро, как якорь на ногу». Она не уточняла, кто такие «они», но заявляла, что брак и домохозяйство — ловушка для женщин, и мама пыталась усмирить ее каждый раз, как ловила на подобных рассуждениях, но порой, когда я сравнивала мамину жизнь с Сестрицыной, было сложно не согласиться с тетиными доводами.

Обычно Сестрица приезжала погостить всего на несколько дней: «Один лишний денек в Далласе, — говорила она, — и я покроюсь сыпью» — и появлялась на пороге дома на Беверли-драйв со стопкой фотографий и сумкой сувениров из недавних поездок. Дни проходили ярче и хаотичнее, когда она была в городе; взрослые засиживались после ужина, смеялись и болтали, и даже Хэл выкраивал время, чтобы заехать и пообщаться с Сестрицей.

Единственным человеком, которого явно не воодушевляли ее визиты, была мама — Сестрица всегда каким-нибудь образом нарушала привычный порядок вещей в доме, и это сводило мать с ума. Помню, как-то летом Сестрица вернулась из Франции с красивыми шарфиками из набивного шелка для меня и мамы («Ей двенадцать, Сесилия, ей не нужен шелковый шарф», — сказала мама перед тем,

как отобрать его у меня) и рецептом суфле с засахаренными фиалками («Такое есть только в Тулузе»), подаваемого с кремом из шампанского, объяснив, что, отломив кусочек, увидишь внутри цвета заката. Мягкий золотисто-бурый цвет запеченных яиц, муки и масла, сказала она, смешивается с тающими сиреневыми фиалками и бледно-персиковым молочным оттенком шампанского. Никогда еще я не слышала ничего столь прекрасного; даже не встречала таких слов в одном предложении. Засахаренные фиалки казались пищей для фей, а не для людей.

Мама позволяла нам есть десерты только по праздникам и почти не ела их сама, кроме как в третью субботу месяца — тогда после ужина она баловала себя одним шариком ванильного мороженого. Я ненавидела этот день, ведь приходилось наблюдать за ее растущим воодушевлением по мере того, как приближался вечер, то есть час мороженого, — словно маленькая собачка выплясывала вокруг стола, цокая когтями по полу, выклянчивая объедки.

Вот почему мама попыталась противостоять великому кулинарному замыслу Сестрицы, заявив, что мне ни к чему такие поблажки, но папа услышал и сказал: «Пусть девочка приготовит свое мудреное пирожное». Так что в ту субботу мы с Сестрицей провели полдня на кухне, смешали и запекли суфле, пусть и потерпели неудачу дважды, запутались в рецепте и, хохоча, запрятали подальше несколько липких фиолетовых комков.

Но в конце концов тетя оказалась права: когда мы разрезали десерт, он был рассветных оттенков, прекрасного

нежно-сиреневого цвета, переходящего в оранжевый и золотой, и даже папа с дядей Хэлом за ужином отметили, как здорово у нас получилось и каким интересным и странным суфле было на вкус.

— Как будто в рот налили духов, — сказал папа, — но, знаешь... Мне вроде бы даже нравится.

А мама сидела, глядя на все это, и говорила: «Нет, спасибо», когда мы предлагали ей кусочек, а когда грязную посуду убрали, ее порция единственная осталась стоять на столе, и я на какое-то время забыла об этом, потому что пора было ложиться спать, а папа с дядей Хэлом закурили сигары и принялись рассказывать грязные анекдоты и забавные истории, как всегда бывало на подобных семейных ужинах. Сестрица захотела почитать привезенные журналы на крыльце, а мама сказала, что неважно себя чувствует и ляжет пораньше.

Улегшись в кровать, я долго не могла уснуть и подумала: а вдруг внизу еще стоит та порция суфле, вдруг ее решили оставить на завтра? Поэтому я прошмыгнула на первый этаж, зная, что взрослые еще долго будут заниматься своими полуночными делами и вряд ли меня заметят, но в кладовой дворецкого уже горел свет, и я увидела, как мама в своем строгом стеганом халате, который она носила круглый год, и даже в летнюю жару, нависла над тарелкой с суфле и руками пихала его себе в рот, облизывая пальцы.

Я вспомнила, что сегодня должен был быть вечер мороженого, а значит, своим модным суфле мы нарушили ее

ритуал, и почувствовала, что стала свидетельницей того, что мне видеть не следовало, но помимо этого ощутила еще одно непонятное мне тогда чувство — думаю, это было легкое отвращение.

Я пошла искать Сестрицу и обнаружила ее на крыльце со стопкой журналов, ее темные волосы («Цвета вороньей грудки», — сказал однажды папа, отметив, как сильно они не похожи на мамы; «Не говори “грудка”», — ответила мама) уже были закручены в бигуди, она взяла Harper's Bazaar («Харперс брасьер»^{*}, как, к мамину ужасу, часто называл его папа) и показала мне девяностипятистраничную подборку модных летних образов — «легкие вечерние платья для женщин всех возрастов, которые можно носить в любой компании». А потом мы восхищались несравненной Дориан Ли на обложке Vogue.

— Какая элегантная женщина, — сказала Сестрица. А потом заговорщическим тоном: — Кстати, она тоже из Техаса. И носы у вас похожи.

Сестрица рассказывала мне о других лакомствах, которые мы могли бы отведать, об ароматах и одежде, которую она хотела бы привезти из-за границы. По ее словам, во Франции было все, чего пожелает сердце, даже после войны. Мне захотелось отправиться в Париж и вкушать все это. Захотелось попробовать деликатесы, которые тетюшка описывала в свои прошлые визиты и которые были так от меня далеки:

* Брасьер — вид бюстгальтера с низкими чашками, позволяющими носить одежду с глубоким декольте.

сладкий и обжигающе кислый вкус лимончелло, тушеное мясо и специи из Марокко и Египта, чьи названия я даже никогда не слышала. Но не только вкусы и запахи — еще увидеть пирамиды, Сфинкса. Пройтись по суку (то есть рынку) в Марокко, зайти в каменные соборы Италии и Франции. Посетить музеи, парки и дворцы Старого Света.

В детстве я долгое время восхищалась ею и мечтала прожить такую же беззаботную, ничем не ограниченную жизнь. Но ко времени знакомства с Дэвидом уже намерена была остепениться. Хотела полный дом вещей, которые стали бы моим якорем, чтобы течение не унесло меня слишком далеко. Как в конце концов случилось с Сестрицей.

И все же, когда Дэвид решил перевезти меня в Рим, маленькая и опасная часть меня подумала: вот оно. Вот мой шанс увидеть, прикоснуться, попробовать мир на вкус — понять его и вобрать в себя — так, как это делала Сестрица. Я играла с огнем и осознавала это, но не могла подавить то чувство, взволнованно, вероломно пульсирующее в глубине моего подсознания, пока набивала сумки всем, что понадобится мне в новой жизни в статусе жены Дэвида — комплектами шелковых сорочек с пеньюарами в пастельных тонах, яркими весенними платьями для вечеринок в саду и дамских бранчей, лаками, бигуди и кремами, — чувство, что я готовлюсь стать еще и некой другой Тедди, зажигающей авантюристкой, которая проснется во мне, когда придет время.

Подобные мысли следовало гнать от себя, а не увлекаться ими, поэтому в основном я старалась их не замечать.

Но хотя бы позволяла себе радоваться морю — мы с Дэвидом должны были провести медовый месяц на Капри, после чего по живописному побережью отправиться навстречу нашей новой жизни в Риме.

Я бывала на Си-Айленде и в Палм-Бич, но Сестрица однажды отметила, что за границей вода другая. Никаких загородных клубов и полей для гольфа рядом с пляжем. Никаких одетых в пастельные тона семей с детьми, приехавших на летние каникулы. Тетя описывала синие волны, бьющиеся о скалистые берега, где некогда прогуливались Цезарь, Марк Антоний и Клеопатра. Она читала, что в древние времена там было видно самое дно моря — и обломки кораблей времен «Илиады» и «Одиссеи».

Однажды во время поездки в Палм-Бич мы спустились к воде помочить ноги, хотя стояла ранняя весна и было слишком холодно для купаний, и Сестрица сказала, что океан соединяет всех представителей человечества друг с другом, что он охватывает весь мир, соприкасается со всеми, и можно стоять на берегу и размышлять, что ты у края чего-то, что соединяет тебя с братьями и сестрами, и кем бы ты ни являлась, в этот миг ты вечна, ты не одинока.

Позже я сообразила, что эту свою философию она состряпала из трудов разных авторов-трансценденталистов, в основном Эмерсона и Торо, в ту недолгую пору, когда в годы войны училась в колледже, добавив щепотку того, что узнала за пару дней в красно-золотом буддистском монастыре на Тибете. Когда Сестрица пускалась в подобные рассуждения, мама с папой закатывали глаза, и, конечно, позже

мы стали думать, что, может быть, она просто не в себе. Может быть, она верит, что жизнь заключена в каждом моменте, потому что все, что длится больше мгновения, утекает сквозь ее пальцы.

После церемонии бракосочетания, на вечеринке, дядя Хэл выписал нам чек на двадцать тысяч долларов, чтобы поставить нас на ноги, подмигивая Дэвиду со словами:

— Сынок, дай знать, если устанешь переводить чернила и захочешь заняться чем-то поинтереснее. Я бы помог тебе войти в сенат штата за два года и в конгресс за пять. — А потом, подумав, добавил: — Может, не в Техасе, с такими-то ушами. Но перевезем тебя куда-нибудь в Монтану. Тедди возражать не будет, как-нибудь проживет без своих «Нейман Маркус». Пять лет, гарантирую.

Дэвид улыбнулся, сжав губы, а я погладила его предплечье, подумав, что он напрягся из-за комментария по поводу ушей, а потом мы взяли деньги и замечательно провели время на Капри, или, во всяком случае, я, первые несколько дней, а оставшуюся сумму положили на общий счет на имя Дэвида для будущих нужд. Еще мама с Хэлом пообещали, что через несколько месяцев, на мое тридцатипятилетие, отдадут мне оставшуюся часть дедушкиного наследства, ведь теперь они могут быть за меня спокойны. Я обеспечила себе надежное будущее, доказала, что я не скисшее молоко, нашла мужчину, который будет помогать мне во всех делах, и еще не слишком стара, чтобы завести детишек. При первом знакомстве Дэвид им не понравился

(дядя Хэл сказал папе, что «парнишка выглядит как побитый пес, когда улыбается»), но они посчитали, что у него может быть большое будущее в партии, если только хватит ума оставить госслужбу.

— Можем посмотреть дома в Джорджтауне, — сказала мама, помогая мне собирать сумки, — когда у Дэвида истечет срок полномочий.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	9
1. Даллас	16
Сейчас	36
2. Капри	38
Сейчас	47
3. Рим	49
4. Вилла Таверна	93
Сейчас	112
5. Вашингтон	114
6. Вашингтон	133
Сейчас	142
7. Вилла Таверна	145
Сейчас	161
8. Виа делла Скала	163
9. Вилла Таверна	176

10. Рим	195
11. Рим	209
Сейчас	220
12. Рим	222
13. Вилла Таверна.....	235
14. Вилла Боргезе.....	240
15. Тестацчо	247
Сейчас	261
16. Трастевере, Людовизи.....	262
17. Трастевере, Тестацчо	284
18. Даллас.....	304
Сейчас	315
19. Палаццо Маргерита.....	317
20. Трастевере	345
21. Трастевере	355
22. Даллас.....	376
Сейчас	381
23. Палаццо Маргерита.....	383
Сейчас	400

24. Рим	402
Сейчас	409
25. Виа Венето.....	411
Эпилог	415
Благодарности	423